

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг	Колодец забытых желаний
Большое зло и мелкие пакости	От первого до последнего слова
Хроника гнусных времен	Жизнь, по слухам, одна!
Одна тень на двоих	Там, где нас нет
Подруга особого назначения	Третий четверг ноября
Развод и девичья фамилия	Тверская, 8
Персональный ангел	На одном дыхании!
Пороки и их поклонники	Всегда говори «Всегда»
Миф об идеальном мужчине	Сразу после сотворения мира
Мой генерал	Где-то на краю света
Первое правило королевы	Сто лет пути
Седьмое небо	Ковчег Марка
Запасной инстинкт	Чудны дела твои, Господи!
Богиня прайм-тайма	Шекспир мне друг, но истина дороже
Олигарх с Большой Медведицы	Вселенский заговор
Близкие люди	Вечное свидание
Закон обратного волшебства	Ждите неожиданного
Дом-фантом в приданое	Селфи с судьбой
Саквояж со светлым будущим	Земное притяжение
Пять шагов по облакам	Призрак Канта
Гений пустого места	Звезды и Лисы
Отель последней надежды	Девчонки, я приехал!

Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен
Роковой подарок

Татьяна **УСТИНОВА**

Подруга особого
назначения

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Н. Каптыкиной*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Подруга особого назначения : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-04-199908-7

Одиноко и бедно жила немолодая девушка Варвара Лаптева. Казалось, все, что только есть в жизни хорошего, обошло ее стороной. Начальство на работе считало ее непроходимой дурой, да и сама Варвара махнула на себя рукой. Но, видно, не до конца... Череда странных событий выбивает ее из привычного рутинного течения жизни. В кабинете начальника вдруг умирает посетитель. Варвара — первый человек, который увидел его мертвым. В это же самое время из кабинета исчезает пластиковая карта, на которой лежит ни много ни мало полмиллиона швейцарских франков! И Варвару начинают преследовать неизвестные, уверенные в том, что именно она похитила эти деньги. Разумеется, она не причастна. Но тогда кто?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199908-7

© Устинова Т.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Под этой скромной надписью в могиле
Спит вечным сном покойный Джексон Вилли.
Признаться, Джоном назывался он,
Но не рифмуется с «могилой» имя Джон.

*Неизвестный английский автор
(перевод С.Я. Маршака)*

В конце концов она чуть не попала под машину.

— Бабка, смотри, куда прешь, если не хочешь в ящик сыграть! — обидно закричал выскочивший из машины водитель. Даже шагу не сделал, чтобы посмотреть, что там с ней такое.

Ничего такого с ней не было. Сегодня на ее глазах погиб человек, и она подозревала, что его убили, только и всего.

— Ну! Чего сидишь, вставай! Ты можешь или не можешь, бабка?!

И опять ни шагу к ней.

Кое-как она перевалилась на колени, отползла к обочине и поднялась, держась двумя руками за гору плотного грязного снега. Вся улица смотрела, как она ковыряется, как пытается отряхнуть пальто, как растерянно озирается по сторонам в поисках сумки, которая отлетела неизвестно куда.

Сумки не было.

— Ну чего? Идти-то можешь?

Коленка сильно болела, наверное, Варвара ударилась об асфальт, когда падала. Она нагнулась и попыталась рассмотреть, что там с коленкой, но ничего не увидела.

Господи, а сумка-то!

Неистово сигналили машины — прогоняли ту, которая наехала на Варвару. Она стояла посреди улицы, загораживала проезд. Любопытный и сердобольный водитель, так вежливо выяснявший, все ли

с ней в порядке, захлопнул дверь и тронул машину с места.

Варвара из-под съехавшего платка проводила его испепеляющим взглядом.

Наплевать ему на твои взгляды, дорогая. Еще очень повезло, что он тебя, во-первых, до смерти не убил, а во-вторых, по физиономии не дал за то, что представляла угрозу для его драгоценной машины, да еще заставила остановиться, терять время, вопросы тебе задавать!..

Да где же сумка?!

Варвара переступила ногами, словно пробуя их на прочность, и тут проклятая машина опять оказалась прямо перед ее носом. Она даже отшатнулась немного, уверенная, что теперь-то ее непременно задавят.

Распахнулась задняя дверь.

— Бабушка, — душевно сказали из салона, — давайте я вас подвезу куда-нибудь. Или, может быть, в больницу?

— Спасибо, не надо, — пробормотала Варвара, усердно отряхивая пальто.

— Давайте все-таки.

— Я же сказала, не надо, — повторила она с нажимом. — Со мной все в порядке.

Тут она увидела свою сумку — далеко, под самой стеной дома — и радостно заковыляла к ней, как будто сумка могла оградить и спасти ее от всех сегодняшних неприятностей.

Сейчас она поднимет ее и пойдет себе потихоньку домой, закроет за собой дверь, влезет в ванну и будет сидеть в горячей воде столько, сколько захочет, и день кончится наконец.

Сумка была пуста. Это было так неожиданно и так ужасно, что Варвара, не поверив себе, перевернула ее и потрясла, ожидая, что на тротуар из непривычно худого сумкиного нутра сейчас вывалятся паспорт, кошелек, очки, пухлый романчик, записная книжка

школьных времен с шикарным тиснением — серп и молот — на обложке.

«Дима К.» было почему-то записано там. «Дима К.», «Катя Б.» — и телефон. Почему Б. и К.? Почему не фамилия?

Варвара заглянула в сумку и в свете фонаря увидела только сиротскую подкладку, и больше ничего.

— Что, бабка? — насмешливо спросил у нее над ухом давешний вежливый и аккуратный водитель. — Вся пенсию сперли? Надо было посмотреть за пенсией-то!

— Надо под колеса смотреть, если за руль сел, — сказала Варвара, не поворачиваясь. Слезы были уже близко, и она часто глотала, чтобы отогнать их. — На дорогу надо смотреть, а не ворон считать и на девчонки пялиться!

— Ух ты!.. — восхитился голос. — Во дает бабка!.. Меня ж еще и кроет!..

— Витя, угомонись.

За ее спиной произошло неясное движение — она загоняла слезы в горло, заглядывала внутрь своей сумки и не оборачивалась, — и кто-то крепко взял ее за локоть.

— Пойдемте.

— Никуда я не пойду!

— Пойдемте. Я довезу вас до дома. У вас же ничего нет — ни денег, ни документов.

При упоминании о деньгах и документах Варваре стало совсем худо. Господи, за что ей такое наказание?! Чем заслужила, чем не угодила?

«Не поминай Господа всуе, — сердито говорила бабушка Настя. Она всегда была в белом платке в мелкую крапушку, с темным и строгим лицом. Варвара ее боялась. — Господь — не соседская коза, его ни за что ни про что не зовут, только уж если очень надо или дело какое важное!..»

— Да не упирайтесь вы! — с досадой сказали сзади. — Садитесь, что вы, на самом деле!..

Варвара, подталкиваемая в спину, неловко пролезла в шикарный салон, освещенный теплым светом, и тут обнаружилось, что колготки — ясное дело! — порвались и на обеих коленках зияют ровные круглые дыры, похожие на озера. Грязная белая кожа казалась особенно неприличной в приглушенном салонном свете, и Варвара поспешно прикрыла колени полами пальто.

«Доберусь до дома и утоплюсь в ванне», — решила она.

Одна за другой хлопнули дверцы, и автомобиль поехал.

— Вам куда, бабушка?

— Мне на улицу Тухачевского, — выговорила Варвара.

Полы пальто терли содранную кожу, колени саднило, и было ужасно жалко денег, почти пятьсот рублей. Конечно, с голоду она не умрет, но когда твои деньги крадут на улице какие-то подонки, пока ты ковыряешься в снегу под колесами автомобиля, — очень обидно. Лучше бы в метро вытащили, ей-богу!..

— Что ж вы по сторонам не смотрите, когда улицу переходите? Внимательнее надо быть, особенно по вечерам.

— Да я-то смотрю, — сказала Варвара злым голосом, — это шофер ваш неизвестно куда смотрит! Я на зеленый переходила, по переходу!

— Да зеленый мигал уже!.. — взвился на переднем сиденье водитель, уверенный, что обвиняют его облыжно. — Бабка сама виновата, а теперь пытается наводить тень на плетень, и скорости у меня никакой не было, я тронулся, когда красный уже переключился!..

— Ничего не знаю ни про какой красный, — с ходу приняла подачу Варвара, — только переходила я по переходу и на зеленый, а вы ехали черт знает как! Да за мной еще целая толпа шла, вы же видели!

— Потому что одни козлы кругом! Когда свет ми-

гает, переходить нельзя. Нель-зя! А вы претесь, как стадо баранов! Ей-богу, пешеходы в Москве!..

— Витя!

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида, еще немного пошевелил губами, как будто не смог сразу замолчать, и буркнул:

— Извините, Иван Александрович.

Иван Александрович, на которого Варвара даже ни разу не взглянула как следует, немного подвинулся в ее сторону и предложил довольно участливо:

— Может быть, все-таки заедем в медпункт? Что там у вас... в смысле травм?

«Боится, что я права и его водитель попер на красный, — решила Варвара. — Сам-то он, конечно, на дорогу не смотрел и не знает, кому верить, то ли мне, то ли водителю. Поверит, несомненно, водителю, но меня хочет задобрить, чтобы я не верещала и не создавала ему проблем. Впрочем, какая из меня проблема!..»

— Все в порядке, — сказала она, — кожа содрана, и колготки порвались. В медпункте колготки все равно не выдают, а йод у меня есть дома.

И тут наконец она на него посмотрела.

Он был коротко стриженный, темноволосый, не толстый, но очень плотный. Большие руки, крепкая шея в тисках галстука. Глаза казались обведенными черным из-за очень густых и темных ресниц.

Он тоже некоторое время внимательно смотрел на нее. Цвет его глаз Варвара разобрать не смогла.

— Извините, — буркнул он, отвернувшись, — я думал, что вы бабушка.

— Я не бабушка, — зачем-то объяснила Варвара, — но, возможно, через некоторое время ею стану.

Водитель таращился на нее в зеркало заднего вида и, видимо, не верил себе. Внезапное омоложение Варвары его озадачило.

— Я-то думал, — вдруг сказал он, — платок, сумка, пальто... Бабка и бабка...

— Витя!

— Извините, Иван Александрович...

— Тем более непростительно, — раздраженно продолжил Иван Александрович, — видеть вы должны хорошо, ноги у вас в порядке, что ж вас понесло на проезжую часть!

— Меня не понесло. Я переходила улицу...

— Да, я слышал. На зеленый. Все равно нужно по сторонам смотреть, если не хотите, чтобы вас убили!

— Это вы своему водителю скажите! Я-то не хочу, чтобы убили, а он зачем людей давит?! Вместе со мной целая толпа переходила!

— Но под колесами почему-то именно вы оказались! Толпа благополучно перешла, а вы очутились под колесами!

— Потому что он меня стукнул своей машиной, и я упала! И сумка отлетела, и из нее все украли!..

— Да, — вдруг спокойно произнес Иван Александрович, как будто не он только что разорялся, — это плохо. Сумку жалко. Что в ней было? Деньги? Документы?

— И деньги, и документы, и все на свете!

— Много денег?

— Много, — огрызнулась Варвара, — пятьсот рублей.

И тут так жалко ей стало этих пятисот рублей, и себя, и свой паспорт — фотография там была удачная, ей очень нравилась, — и даже книжку, которую она только-только начала читать и не успела еще толком понять, что за кровавое убийство затевают злые люди, что она заревела и, обхватив ладонями щеки, сунулась лицом в колени.

— Да что ты реवेशь?! Чего теперь реветь, когда...

— Витя!

Ревела она почти до самого дома, только на перекрестке Иван Александрович, будь он неладен, спросил у нее, куда повернуть. Варвара показала рукой. В довершение всех унижений, когда машина остано-

вилась, он стал совать ей деньги, повторяя, что готов «возместить», а Варвара отталкивала его руку, всхлипывала и утиралась платком.

Ужасно.

В конце концов ей удалось выбраться на волю, и она побрела по расчищенной дорожке к подъезду, и опять чуть не упала, наступив на присыпанную сегодняшним снежком ледяную полоску, и замахала руками, пытаясь обрести равновесие, и пустая сумка крутилась вокруг нее, а машина все не уезжала, и Варвара точно знала, что Иван Александрович и его водитель наблюдают за ней оттуда.

Диагноз неутешительный, как говорил ее дед, военный врач.

В лифте стояли неаппетитные лужи, а в тамбуре пахло собаками — соседи держали в двухкомнатной квартире трех огромных кавказских овчарок. Сосед хвастался, что дверь они могут вообще никогда не запираться. Варвара была в этом уверена — не запираться не столько из-за свирепости собак, сколько из-за духа от них. Любой, сделавший попытку кражи, непременно должен был упасть замертво.

Сосед, выстроивший всю свою собачью семью для вывода на прогулку, долго ахал над причудливым Варвариним видом, клял «новых русских» и их машины, прикрикивал на «ребят», задравших к Варваре пудовые морды. Она стояла, прижавшись к стене и обняв пустотелую сумку — «ребята» занимали все свободное пространство в тесном тамбуре, да еще сосед между ними пролезал, суетился, изнывал от любопытства, смешанного с сочувствием. Когда наконец все выкатились на площадку и Варвара смогла открыть дверь в свою квартиру и зажечь свет в прихожей, крохотной, как платяной шкаф из гарнитура «Хельга», оказалось, что пальто спереди не только мокрое и грязное, но и ворсистое от плотно покрывающей его собачьей шерсти.

— Да что же это такое!.. — выкрикнула Варвара с

тоской, обращаясь почему-то к своей сумке, которую она держала за ремешок и потрясла ею у себя перед носом. — Что же это такое, а?!

Сумка не дала никакого внятного ответа, и Варвара швырнула ее под зеркало. Потоптавшись на предусмотрительно постеленной при входе газетке — разуваться следовало на газетке, чтобы не наследить на чистом полу, — она стянула сапоги и пристроила пальто на вешалку.

В чем она завтра пойдет на работу?! В курточке?!

Можно, конечно, попробовать высушить пальто феном, а потом пропылесосить. Шерсть счищает не впервой, она часто сталкивалась с соседом, когда тот шел с «семьей» гулять, и после таких встреч пальто всегда нужно было пылесосить.

Как ее занесло под эту машину?! Правда, повезло, что так легко отделалась, да еще до дома доехала с комфортом. Могли ведь и поколотить, если бы попались не такие культурные и вежливые.

Шмыгая носом, Варвара поставила на плиту чайник и переоделась в махровый халат. Когда-то халат был голубым, в звездах и облаках, которые постепенно исчезли, образовав общий серо-голубой цвет. Это был любимый халат, средство утешения, а вовсе не одежда, в нем было тепло и мягко, и Варвару не смущало даже, что она выглядит в нем, как Фаина Раневская в кинофильме «Весна». Просто она старалась не смотреть на себя в зеркало.

Все-таки в зеркало пришлось посмотреть.

Ничего особенного, по крайней мере на лице ее сегодняшнее ДТП никак не отразилось — не было ни ссадин, ни царапин, все в порядке. Только глаза красные от того, что ревела. Нужно будет положить на них по куску капусты. Бабушка Настя всегда говорила, что «капустный лист красноту разгоняет».

Хотя какое это имеет значение! Можно подумать, что на работе кто-нибудь заметит ее красные глаза!

В любимом халате она выглядела толстой и блед-

ной — зря все-таки смотрелась в зеркало! Теперь весь вечер станет думать, отчего она такая толстая. Вроде и ест немного, и на работе все время, а там есть некогда, и сахара в чай кладет всего одну ложку, а Вика Горина по три, и все равно стройная, легкая, быстроногая...

Почему жизнь так несправедлива?

На ужин была курица с рисом, и, расстроенная оттого, что такая толстая, Варвара съела все до крошечки, хоть и обещала себе, что все есть не станет, а половину оставит на завтра. Теперь, когда пятьсот рублей придется вычеркнуть из бюджета, такая экономность была бы весьма актуальной.

Усевшись в комнате с большой кружкой чаю — сахара всего одна ложка! — она стала думать.

Сегодня у них в офисе произошло несчастье.

Посетитель, незаметного вида молодой человек с портфелем, приходил уже в третий раз. Шеф неизменно принимал его, когда бы он ни появился, и Варваре это казалось странным.

Шеф не принимал никого, не помурывив известное время в приемной. Такой у него был стиль работы. Очевидно, он считал, что принимать посетителей в назначенное время — дурной тон, который не к лицу большим начальникам. Шеф считал себя большим начальником, и в приемной у него собирались очереди, как к утренней бочке с молоком в советские времена. Однако этот молодой человек проходил в кабинет сразу, едва Варвара о нем докладывала.

У него была странная фамилия. Лиго Петр Борисович, вот как его звали.

Сегодня он опять пришел и опять был приглашен в кабинет, как только Варвара произнесла в селектор его фамилию. Минут через десять шеф вызвал Варвару и неприятным голосом попросил кофе. С Варварой он всегда разговаривал неприятным голосом. Не потому, что на самом деле был ею недоволен, а потому,

что быть недовольным секретаршей тоже считал хорошим тоном.

Варвара принесла кофе.

Петр Борисович Лиго сидел на диване, и у него было напряженное лицо. Руки стиснуты на одном колене. Он старался приветливо улыбаться Варваре и делал это как-то на редкость неубедительно. Наоборот, она даже посмотрела повнимательнее, что это с человеком, почему он корчится. Вскоре Петр Борисович неожиданно выглянул в приемную и попросил у Варвары пепельницу. Изумленная Варвара вскочила с места, пронеслась к «хозяйственному отсеку» — ниша в стене, загороженная решетчатой ширмочкой, — и отыскала пепельницу. Пепельница была чистая, но мокрая, и, рассыпав от усердия и спешки кучу салфеток, Варвара яростно протерла ее до скрипучей сухости и подала постно дожидавшемуся Петру Борисовичу.

Потом еще раз вошла — начальник приказал забрать грязные чашки и подать чистые вместе со свежим кофе. На часы она не смотрела, но со времени первой подачи кофе прошло, наверное, с полчаса.

Петр Борисович Лиго пересел в кресло у окна, довольно далеко от кофейного столика. Лица его Варвара не видела, но он что-то говорил, довольно громко. Она не стала вслушиваться. Минут через десять шефу позвонила Лина Ахметова из юридической дирекции, и он ушел туда, буркнув по дороге, что Петр Борисович что-то печатает на компьютере, а ему срочно нужно к юристам. В компании так было принято — к юристам все ходят сами и по первому зову. Только председателю, кажется, юридические документы приносили в кабинет. Варвара слегка удивилась, что посетителя внезапно потянуло к работе на компьютере, но ничего выяснять она, естественно, не стала.

Дверь была прикрыта неплотно, и несколько раз она слышала шум, как будто Петр Борисович прохаживался по кабинету. Шеф не возвращался. Потом загрохотало так, что Варвара перепугалась. Ей показа-

лось, что Петр Борисович перевернул на себя книжный шкаф.

— Что он там может делать? — спросила она у Людды Галкиной из рекламного отдела, забежавшей покурить.

— Не знаю, — быстро ответила Людка, — надо посмотреть. Зайди!

Варвара зашла.

Петр Борисович Лиго лежал на полу, прижимаясь желтым виском к ковру. Рядом на полу валялись монитор и клавиатура.

Сам Петр Борисович был абсолютно, непоправимо мертв. Варвара поняла это с первого взгляда, и в обморок не бухнулась, и не стала совершать никаких бессмысленных киношных действий — трясти его, поливать водой, дрожащей рукой совать валидол, сначала себе, а потом трупу или наоборот.

— Людда, — вместо всего этого сказала Варвара, сидя на корточках, — по-моему, он помер.

Людка ахнула, попятилась и немедленно схватила себя за свитерное горло.

— Я вызову «Скорую», — продолжила Варвара быстро, пока Людка не вздумала лишиться чувств, — а ты сбегай за шефом. Он к юристам ушел. Ну, скорей, скорей, шевелись!..

Когда требовалось, Варвара становилась очень решительной, гораздо более решительной, чем нынешним вечером под машиной вежливого Ивана Александровича.

Прибежал бледный шеф, за ним кто-то из юристов, и Варвару прогнали.

Потом начались неразбериха и паника, канитель со «Скорой», в приемной толклись любопытные — еще бы, такое неожиданное «счастье»: среди бела дня в офисе труп! Тут не один день, неделю никто работать не будет! Высокая дверь открывалась и закрывалась.

Когда открывалась, Варвара в волнении поднима-

лась на цыпочки и хватала за плечи и толкала таких же любопытных, пытаясь рассмотреть, что такое там происходит, на месте событий, а когда закрывалась, все поворачивались к Варваре, придвигались к ее столу и смотрели на нее умоляюще, а она делала строгое и немного печальное — «подобающее» — лицо и многозначительно помалкивала, зато Людка в коридоре в сотый раз повторяла, как она курила с Варварой, а потом что-то грохнуло, и они бросились в кабинет, хотя они вовсе не бросались, а он лежит, а рядом монитор, а он... никакой. То есть совсем мертвый. Окончательно и бесповоротно...

Варвара посмотрела в свою кружку — чая не было. Когда успела выпить? И удовольствия не получила, и вкуса не заметила — а все из-за внезапной кончины Петра Борисовича!

И самое, самое главное, от чего становилось холодно в спине.

Варвара была уверена — Петра Борисовича Лиго убили, и «спазм сосудов головного мозга», сведения о котором моментально просочились в коллектив от приехавших на «Скорой» мрачного вида громил, не имеет к его смерти никакого отношения.

— Ты просто начиталась детективов, дорогая, — сама себе сказала Варвара. Просто так сказала, чтобы послушать, как это прозвучит. Прозвучало неубедительно.

«Фантазерка, — говорила про нее бабушка Настя с неодобрением, — вечно в облаках витает! Что за девка! Беда с ней».

Впрочем, Варвара не знала никого, о ком бабушка отзывалась бы с одобрением. Варвара была «фантазерка», отец «куркуль», мама «заноза», соседка «Кабануха», ее сын «бандит», хотя розовый, очкастый, толстый Димка на бандита тянул так же, как сама Варвара на «Мисс Вселенную».

Димка ухаживал за ней когда-то, и его неловкое сопение и влажные пальцы, которыми он стискивал

Варварину ладошку, были самыми романтическими воспоминаниями в ее жизни.

Ну и ладно. Ну и наплевать. Подумаешь.

Или вот Татьяна, лучшая подруга. Вышла замуж в двадцать лет и — ясное дело — по безумной любви. Некоторое время любовь продолжала быть безумной, потом стала обыкновенной, потом не стало никакой. Осталась только морока с опостылевшим, никуда не годным мужиком, который, как назло, за это время стал «своим и родным», и бросить его на произвол судьбы у добросердечной подруги не хватало совести. Сидел он на шее у нее и родителей, очень удобно сидел, свесив ножки и помахивая кнутиком, ничего не делал, ни о чем не заботился, не печалился ни о чем — почти десять лет. Татьяна превратилась в пожилую бабищу пятьдесят восьмого размера — Варвара сочувствовала ей с некоторым жалостливым женским высокомерием, ибо сама носила всего только пятьдесят четвертый, — стала раздражительной, визгливой, волосы накручивала на бигуди, короткие ногти красила ярко-алым лаком, ссорилась с родителями и обожала сына Ваську, который от мамашиного обожания совсем одичал и перестал правильно соотносить себя с окружающим миром.

Вот вам и романтическое чувство, уважаемая Варвара Андреевна. Такого хотите? Вы-то посиживаете себе в кресле в любимом халате, чаек потягиваете, думаете о высоком, жалеете свои пятьсот рублей, а Танька небось одной рукой картошку жарит, другой пол метет, одним глазом уроки проверяет, другим кучу белья окидывает — когда гладить, уже сегодня или еще до завтра полежит.

Хорошо хоть «родного» в прошлом году она все же выставила вон — как в комедии. Пришла под Новый год домой пораньше, три сумочки принесла, с индейкой, мандаринами и подарками, а «родной» посреди комнаты в одних трусах мечется, а барышня на

балконе без лифчика — и метель, метель, и барышни-но барахлишко неубедительной кучкой!..

Танька как принялась хохотать, так и хохотала до самого суда, и в суде хохотала, и судья вместе с ней. Развели их за пять минут.

«Пять минут, пять минут, бой часов раздастся вскоре...» И что-то там такое про ссору.

Девять лет непрерывного ежедневного изматывающего счастья — у Татьяны невралгия и зарождающаяся язва желудка, у бывшего «родного» пивное пузо, одышка и «сердечко шалит», Васька среди ночи просыпается и плачет, боится, что родители начнут орать друг на друга, — а потом пять минут, и жизнь «с чистого листа», как говорили раньше в телепередачах про писателей.

Нет, уважаемая Варвара Андреевна, вы спасибо скажите ангелу-хранителю вашему, что вас все это миновало. Немножко жалко, конечно, что никогда и ни в кого не была влюблена, и что сына нет — уж она, Варвара, ни за что не допустила бы, чтобы он ревел по ночам! — и сердце ни от чего не замирает, и давешний нахальный водитель подумал, что она бабка, а ей до тридцати еще целый год, полтора даже!

А Петра Борисовича со странной фамилией Лиго все-таки убили. Варвара была уверена, что его убили, как только шеф вышел за дверь кабинета. Кто-то следил за ними, пока они разговаривали, и как только шеф вышел, прикончил Петра Борисовича.

Зачем? Кто он такой, этот Петр Борисович? Что за дела у них с шефом? Почему он никогда не сидел в приемной, проходил, ни на кого не глядя, и с шефом говорил как будто немного свысока, как если бы шеф был жокеем, а Петр Борисович — владельцем породистого рысака?

«Ты можешь думать о себе все, что угодно, но лошадь все равно моя», — примерно так выглядел Петр Борисович, когда говорил с шефом. Впрочем, говорил в основном шеф, а Лиго слушал.

И сегодня его убили. До смерти, как выразилась впечатлительная Люда Галкина.

Варвара протяжно вздохнула, стряхнула с отворотов халата вчерашние сухарные крошки, застрявшие в махровых остатках звезд и облаков, и зашлепала на кухню, ставить чайник. Жалко, что все сухари вчера же и кончились.

Она не станет жалеть о сухарях. Она и так толстая. Вика Горина небось не ест по вечерам сухари, да еще с изюмом, да еще с сахаром, и она, Варвара, не станет.

Сухаря, твердого, ванильного, пахнущего сдобой, с изюмом и крупными крупинками коричневого сахара, хотелось уже почти невыносимо.

Может, в булочную спуститься за кексиком или за мороженым? Сухарей у них все равно нет.

Она ни за что не пойдет! Вика Горина, к примеру...

Варвара выключила воду, на кухне вдруг стало пронзительно тихо, и оказалось, что заливаются звонок у входной двери.

Ни с того ни с сего Варвара перепугалась и уронила чайник в раковину. Чайник загрохотал, вода широко плеснулась, залила линолеум и халат спереди, где облака и звезды были уж совсем ни на что не похожи.

Входная дверь вздрогнула, как будто в нее ломился кабан.

Ноги отнялись, и живот, на который пролилась вода, заледенел.

— Варвара!!! — протрубил из-за двери кабан. — Открывай давай!

Уф-ф, господи!..

Варвара перевела дух и потрусилась в прихожую, похожую на шкаф из гарнитура «Хельга».

— Хоть бы позвонила!.. — в сердцах выговорила она, распахивая дверь.

— Да чего звонить-то! — пропыхтела Татьяна, протискиваясь мимо. — Я и так знаю, что ты дома!

— Откуда?
— От верблюда. Где тебе еще быть, если не дома?
— Это точно, — вздохнула Варвара, подсовывая подружке тапки, — а ты почему не дома? Или все белье перегладила?

— Ничего я не гладила, — устало сказала Татьяна. В отставленной левой руке она держала ботинки, а правой взбивала на темени кудри, приплюснутые шапкой. — У меня неожиданно получились каникулы.

— Какие каникулы, разве у Васи...

— Васю родители увезли в дом отдыха под Солнечногорск. На четыре дня. Я теперь свободна и независима, как бывшая братская Украина. Я привезла сырокопченой колбаски и тортик.

— Какой еще тортик!..

— Маленький, — заискивающе проблеяла Татьяна, — ничего с нами не будет от маленького торта! А? Ничего не будет?

Варвара не стала говорить каникулярной подружке, что Вика Горина наверняка не ест на ночь тортики, даже маленькие, не говоря уж о колбасе.

— Ботинки поставь под батарею, — распорядилась Варвара, — только постели что-нибудь, а то будет лужа.

— Не будет. Я их сейчас вымою. Кстати, бутылку я тоже принесла.

— Пить будем?

— И есть. Мы будем есть и пить. Ставь сковородку.

— Жарить нечего, — отозвалась Варвара, выуживая чайник из раковины, — была курица, но я ее уже съела.

— На твою курицу я и не рассчитывала, — решительно заявила Татьяна, появляясь на пороге кухни, — я купила отбивные.

— Маленькие? Как тортик? — уточнила Варвара.

— Здоровые. Ну и что? — проскулила она, преданно глядя на Варвару, — ну, раз уж у меня каникулы!.. Поесть-то можно! Господи, я в последний раз